

Глава 4

ЧЕЛОВЕК

ВЫДЕРЖИМ ЛИ МЫ БУНТ ОДИНОЧЕК?

Как-то раз, лет десять назад, я беседовал со своим старым знакомым — преуспевающим питерским бизнесменом. В частности, он мне поведал о том, что приобрел для себя новую квартиру.

— А старую продал? — поинтересовался я с некоторым удивлением, поскольку знал, что она находится в одном из самых прекрасных мест исторического Петербурга.

— Да нет. Там жена живет.

— Так вы разошлись? Семья распалась?

— Наоборот, лишь крепче стала. Вот поссоримся с женой — я дверью хлопну, и к себе. Не успею доехать до дома — она уже звонит: давай мириться.

В общем, как выяснилось, человек не хотел разрывать отношений, но при этом считал, что у каждого должно быть свое собственное жизненное пространство.

Мне тогда показалось, что эта история — не более чем курьез, блажь быстро разбогатевшего человека, который может позволить себе содержать одновременно две многокомнатные квартиры, причем обе в элитных районах города. Однако со временем стало ясно, что хотя подобные неумеренные вложения в недвижимость, возможно, и блажь, но само по себе стремление современного человека очертить сферу, в которой ты сам себе господин, отражает складывающуюся в мире тенденцию. Во всяком случае, богатые страны Европы и Северной Америки последние десятилетия движутся по этому пути.

Горе от ума

С некоторых пор социологи стали замечать любопытное, но в то же время весьма тревожащее явление. В мире растет число людей, проживающих в одиночку и полагающих, что это отнюдь не несчастье, а совершенно правильный подход к обустройству собственного существования.

В скандинавских странах примерно 40 % домохозяйств состоят всего из одного человека. То есть чуть ли не в половине квартир вместо семьи обнаруживаешь одиночку. В Англии, Германии, Франции, Японии одиночек поменьше, но в среднем наберется порядка 30 %. Почти на этом же уровне держатся и США.

Пока весь мир зачитывается слащавой романтической литературой и просматривает телесериалы о красоте высокой любви, традиционная семья, основанная на этой самой любви, вдруг начала растворяться. Конечно, не вся и не всюду, однако наметившаяся в последние десятилетия тенденция заставляет думать о том, что в XXI веке число одиночек может еще значительно увеличиться. И что тогда будет? Кошмар? Трагедия? Распад цивилизации?

Вряд ли. Традиционно сложившиеся в обществе представления исходят из того, что семья — это совершенно нормально, тогда как одиночество — аномалия, пусть даже и весьма распространенная. До некоторого времени именно так дело и обстояло. Однако в конце XX — начале XXI столетия сформировался совершенно новый тип одиночества.

Типичный одинокий человек прошлого, как правило, к этому состоянию совсем не стремился. В идеале он хотел завести семью, однако, если это не удавалось или близкие люди умирали, одиночество могло стать неизбежным делом.

Бывали, естественно, исключения, когда, скажем, монах сознательно удалялся от общества, полагая, что одиночество необходимо для ведения праведной жизни, для спасения души, для непосредственного контакта с Господом.

Та форма одиночества, которая быстро распространяется в мире сегодня, не похожа ни на первый, ни на второй традиционный образец. Миллионы людей, вроде бы предпочитающих жить изолированно от родственников и соседей, на самом деле стремятся к более совершенной системе общения, то есть к тому, чтобы одиночество

преодолеть и сделать свою жизнь более яркой, насыщенной. Понять эту метаморфозу довольно трудно, если мы не попытаемся увидеть те важнейшие изменения, которые происходят сегодня в самом человеке и делают его существом, качественно отличающимся от члена традиционного общества.

Человек прошлого знал, что жить нужно по давно установленным правилам, а не изобретать свои собственные. Проще говоря, он знал, что для сохранения «непоротой задницы» и тем более для достижения некоторого успеха ему следует «не высовываться». А поскольку примерно то же самое знали и окружающие, проблема сосуществования в семье, в большом родственном клане, в крестьянской общине и даже в царстве-государстве решалась относительно эффективно. Как царь, правящий страной, так и отец, правящий семейством, были непререкаемыми авторитетами. Если же кто-то вдруг авторитеты отвергал, оказывался шибко умным и начинал жить по собственным правилам, это так поражало общество, что заслуживало отражения в специальных художественных творениях на тему «Горе от ума».

Современное общество (или, по крайней мере, значительная часть людей) ведет себя по-другому. Ныне человек стремится не просто к выживанию в коллективе, а к различным формам самореализации [Инглхарт, Вельцель 2011]. Он живет по своему собственному плану, поскольку старые традиционные формы поведения вряд ли будут этой самореализации способствовать.

Но окружающие люди тоже стремятся к самореализации и тоже живут по собственным планам. В итоге возникает конфликт интересов, который далеко не всегда является непреодолимым, но очень часто создает серьезные проблемы для сосуществования. И уже не скажешь, как двести лет назад, что жить, мол, следует так-то и так-то. Поскольку возникнет вопрос: кто и почему устанавливает единые нормы существования? А главное: чем эти нормы лучше тех, которые мы способны выстрадать сами, руководствуясь собственной индивидуальностью?

В поисках смысла

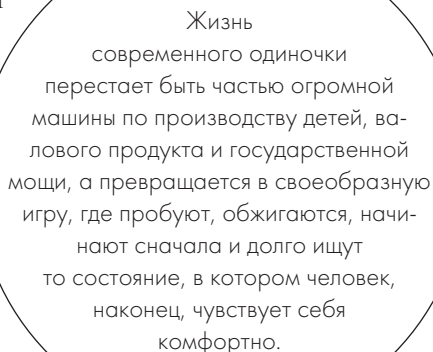
Возник парадокс. Человек, который проживает в семье, стал порой в большей степени ощущать одиночество, чем человек, живущий вне семьи. Семья в определенной мере ограничивает его внешние контакты, но далеко не всегда дает удовлетворение, связанное с об-

щностью интересов. Люди, проживающие совместно, должны притираться друг к другу, но сделать это тем труднее, чем больше отличаются они друг от друга по своим взглядам на жизнь.

Естественно, так обстоит дело отнюдь не в каждой семье. Многие семьи счастливы, поскольку сохраняют духовную близость. Однако по мере усложнения общества и возрастания нашей склонности к самореализации у значительного числа людей появляется все больше шансов попасть в такой круг общения, при котором традиционные семейные рамки сковывают индивидуальность.

В итоге отказ от совместного проживания стал своеобразным выходом из этого сложного положения. Люди начали стремиться к тому, чтобы сначала обрести жизненное пространство, закрытое для посторонних, а уже потом, закрепившись на обретенном плацдарме, приступить к налаживанию контактов с обществом. Первой страной, двинувшейся по такому пути, была, наверное, Швеция, где молодые люди сразу после окончания школы начинали жить отдельно от родителей. Затем по шведскому образцу стали трансформироваться остальные.

Человек предпочитал жить в одиночестве, но переход к такому образу жизни становился не печальным концом сказки, а, скорее, ее началом. Тот, кто уходил в одиночное плавание, начинал выстраивать сложную систему связей с множеством разного рода людей, позволявшую ему не чувствовать себя одиноким. Иными словами, он предпочитал становиться одиночкой не потому, что уходил от мира, полностью разочаровавшись в нем, а потому, что хотел по-настоящему открыться миру, реализуя все свои возможности.

Жизнь современного одиночки перестает быть частью огромной машины по производству детей, валового продукта и государственной мощи, а превращается в своеобразную игру, где пробуют, обжигаются, начинают сначала и долго ищут то состояние, в котором человек, наконец, чувствует себя комфортно.

Американский социолог Эрик Кляйненберг отмечал: «Массы людей решились на этот социальный эксперимент потому, что в их представлении такая жизнь соответствует ключевым ценностям

современности — индивидуальной свободе, личному контролю и стремлению к самореализации. Жизнь в одиночестве дает возможность делать то, что мы хотим, когда мы этого хотим и на условиях, которые мы сами устанавливаем. Такое существование освобождает от необходимости учитывать требования и желания нашего партнера, позволяет сконцентрироваться на том, что важно для нас самих» [Кляйненберг 2014: 24].

Оказавшись один, человек выходит на охоту за самым главным — за смыслом своей жизни. В этих поисках он может потерпеть полный крах, не найдя смысла и утратив ту прочную жизненную основу, которую имел в традиционном обществе. Но может и преуспеть, обретя множество новых контактов — на работе, в группах по интересам, в социальных сетях, в туристических поездках и т. д. Кляйненберг даже полагает, что именно одиночки представляют собой наиболее активную часть современного мира: «...есть все основания утверждать, что живущие в одиночестве люди компенсируют состояние повышенной социальной активности, превышающей активность тех, кто проживает совместно, а в городах, где много одиночек, бурлит культурная жизнь» [Там же: 25]. При этом многие люди, с которыми беседовал социолог, утверждали, что «жизнь в одиночестве позволяет им оградить себя от стресса, давления социальной и особенно профессиональной среды» [Там же: 117].

Семейный человек прошлого всегда являлся удобной для государства фигурой, поскольку в подавляющем большинстве случаев становился производителем детей. А государству отнюдь не безразличен был рост народонаселения. Ведь подраставшие дети становились пушечным мясом или налогоплательщиками. Одних призывали под ружье, чтобы крепить государственную мощь на фронте, другие превращались в работников тыла, без которых армию не удавалось прокормить и вооружить. Но в любом случае семья была для агрессивного государства прошлого чем-то вроде производственной ячейки. Чем-то вроде предприятия по изготовлению людей, обязанных служить царю и отечеству.

Жизнь современного одиночки перестает быть частью огромной машины по производству детей, валового продукта и государственной мощи, а превращается в своеобразную игру, где пробуют, обжигаются, начинают сначала и долго ищут то состояние, в котором человек, наконец, чувствует себя комфортно.

Хорошо это или плохо? Трудно сказать, поскольку жизнь, в которой человек ищет себя, часто бывает сложнее и трагичнее той жизни, где он является лишь приложением к станку, офису или пулемету. Но если человечество встало на новый путь, то вернуться в традиционное состояние — все равно что сделать из яичницы сырое яйцо. Задача, прямо скажем, труднореализуемая.

Законсервируют ли Россию?

Впрочем, «яичница» сегодня изжарилась лишь в сравнительно небольшой части мира — в той, где реализованы три важнейших условия, необходимых для бунта одиночек. Во-первых, высокий уровень жизни и формирование среднего класса, имеющего средства для приобретения отдельного жилья. Во-вторых, высокий уровень свобод, не позволяющий семейным патриархам удерживать людей в традиционном обществе насильственным образом. В-третьих, высокий уровень различных форм коммуникации, начиная с интернета и заканчивая гражданской авиацией, дающей возможность много путешествовать.

В России по всем этим трем пунктам сложилась ситуация, отнюдь не идеальная для бунта одиночек. Пока что у нас можно говорить, скорее, даже не о массовом бунте, а лишь о прорывах на отдельных направлениях. Так, может, в российском обществе для старого мира еще не все потеряно?

Правильно понять, в чем суть стремления человека к одиночеству, важно для определения политического курса. Дело в том, что у нас в России за последнее время появилось чрезвычайно много любителей консервативной идеологии, стремящихся к тому, чтобы сохранить в неизменности веками складывавшиеся традиционные ценности. О консерватизме как оптимальном способе преодоления анархии и хаоса говорил президент Владимир Путин [Путин 2013]. Консерватизм в качестве своей идеологической базы избрала партия «Единая Россия».

Для некоторых консерваторов неприемлемо практически все новое, что возникает в нашем образе жизни. Они готовы воспринять лишь удобные в быту технические новшества, тогда как человека предпочитали бы видеть таким, каким он был сто или даже двести лет назад. Одиночество эти люди расценивают как аномалию, которую надо по возможности устранить, пропагандируя семейные ценности